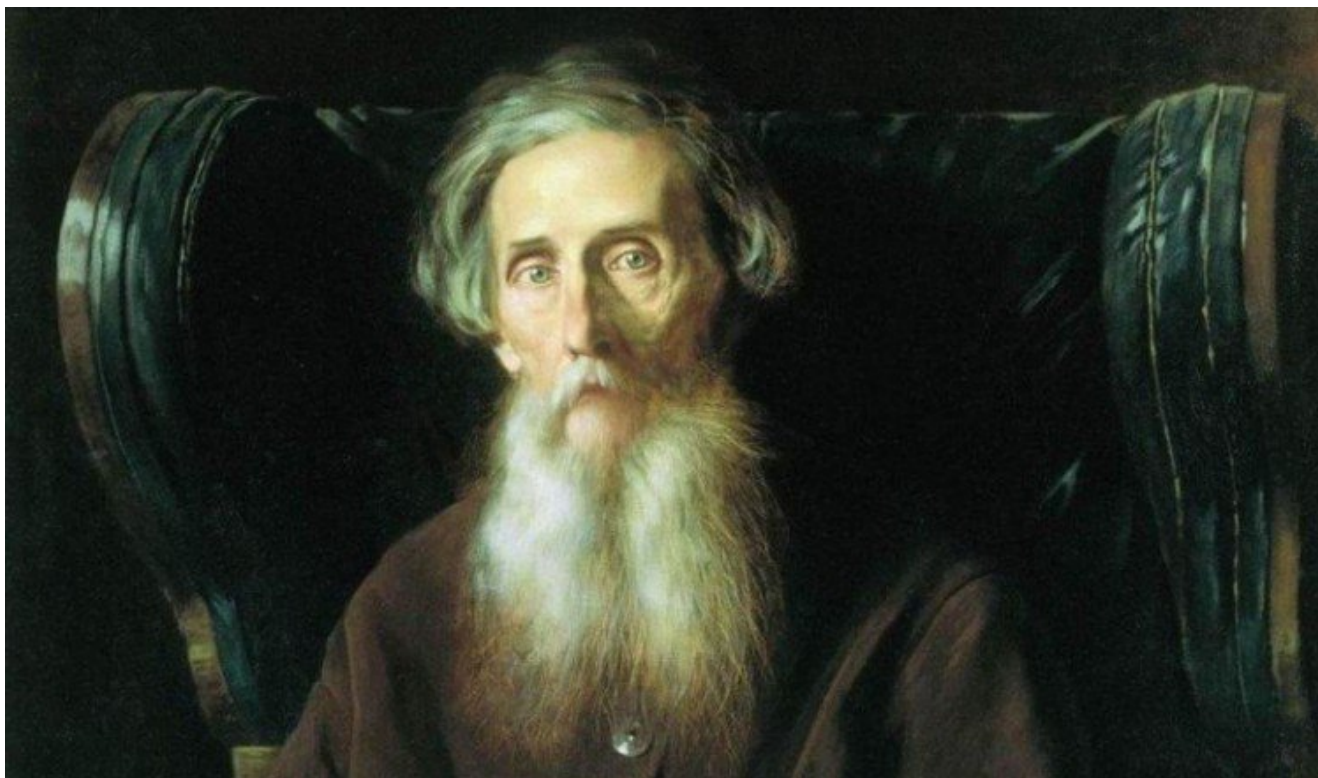

В.И. Даля знают многие, почти все. Но в основном знают его фамилию и результат его деятельности – «Толковый словарь живого великорусского языка».

Предлагаю вашему вниманию статью о русском немце, о нашем великом соотечественнике, которую написала и прислала мне кандидат филологических наук Зинаида Савиновна Дерягина.

Дело в том, что завтра памятная дата – 4 октября. Это день кончины В.И. Даля. Достоянейший был человек, а, главное, всю жизнь свою посвятил России. И родился в России – в Лугани. То есть – в Луганске...

«Владимир Иванович Даль»

К очередной годовщине со дня кончины

(10/23 ноября 1801 г. – 22 сентября/4 октября 1872 г.)

Владимир Иванович Даль – автор всем известного *«Толкового словаря живого великорусского языка»*, ценнейшего пособия прежде всего для всех, кто занимается русским языком и русской литературой. Об этой сокровищнице русского языка написано

огромное количество статей и даже стихов, одно из них принадлежит В.Набокову, и было оно навеяно тем, что вдали от своей Родины он вдруг увидел в книжной лавке дорогие его сердцу книги:

Когда изгнанника печалю

Шёл снег, как в русском городке,

Нашёл я Пушкина и Даля

На заколдованном лотке...

В.И.Даль был превосходным знатоком русского языка и его говоров, классификацию которых он составил первым. Современники рассказывали, что иногда он только по двум-тремя произнесённым словам мог определить, откуда родом человек, носителем какого наречия является. Он также собирал пословицы, поговорки, загадки, самый разнообразный этнографический материал (объяснение обрядов, поверий, предметов культуры и т.д.), который он всегда использовал в своих литературных произведениях. Но мало кто знает из наших современников, что В.И.Даль – блестящий морской офицер, врач, хирург, гомеопат, писатель (псевдоним Казак Луганский), учёный в области этнографии, статистики, в области зоологии и ботаники. Он был талантливым инженером-конструктором, изобретателем. Он был одним из учредителей Русского географического общества. На протяжении 36 лет он был на государственной службе (8 лет – чиновник особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторе В.А.Перовском; 9 лет – начальник особой канцелярии Министерства внутренних дел России; 10 лет – управляющий Удельной конторы в Нижнем Новгороде).

Василий Перов – Портрет В.И Даля, 1872

В.И. Даль родился 10 (23) ноября 1801 года в Лугани

Екатеринославской области (сейчас это город Луганск на Донбассе). Отец его, Иоганн Христиан Даль, был датчанином; мать, Мария Фрейтаг, была немкой, а бабушка его – из рода французских гугенотов де-Мальи. Она занималась переводами на русский язык произведений европейских писателей. Считается, что влияние бабушки не осталось бесследным для В.И.Даля: самым первым его чтением русских книг были именно её переводы.

О родителях своих Даль писал так: «Отец был строг, но очень умен и справедлив; мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим, насколько могла; она знала, кроме немецкого и русского, ещё три языка».

Датчанин Иоганн Даль, приняв русское подданство, был искренним патриотом нового своего Отечества. Он служил врачом при Луганском сталелитейном заводе. Позднее семья Ивана Даля переехала в город Николаев, где Даль-старший служил в морском ведомстве. Именно отсюда, из Николаева, Владимира Даля, в 1814 году, когда ему было всего лишь 13 с половиной лет, отвезли учиться в Петербург в Морской кадетский корпус. В 1816 году, то есть 15 лет от роду, Даль был произведён в гардемарины. Тогда этот чин считался офицерским. Вместе с другими двенадцатью гардемаринами Далу посчастливилось сходить на паруснике в Копенгаген. Среди этих гардемарин был будущий герой Синопа и Севастополя, будущий адмирал П. С. Нахимов.

Позднее об этом своём плавании Даль писал так: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я Отечество моих предков, моё Отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что Отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков. Немцев же я всегда считал народом для себя чужим».

2-го марта 1819 года, когда Далу было 17 лет, он был выпущен из Морского корпуса мичманом на Черноморский флот. И выпускался он двенадцатым по старшинству из 86 человек, то есть окончил он Морской корпус блестяще.

Именно в это самое время, можно сказать, и начинается составление Далем Словаря. А было это так. Из Петербурга ехал молоденький мичман, одетый с иголки, на паре почтовых лошадей (тогда ещё не была построена Николаевская железная дорога, она появится через несколько десятилетий). Мичманская одежда плохо его грела, он ёжился и жался в санях. Ямщик был из Зимогорского Яма (Новгородская губерния), и он в утешение продрогшему, прозябшему до костей молодому мичману сказал, указывая на пасмурное небо:

– *Замолаживает!*

Даль переспросил:

– *Как замолаживает?* – Сказано было по-русски, но ему было не совсем понятно, о чём идёт речь.

И ямщик объяснил значение слова: *замолаживает – значит, небо пасмурнеет, а это верный признак к оттепели.* Видимо, ямщик хотел хоть чем-то утешить замёрзшего морского офицера, именно потому и произнёс это обычное для его наречия слово, но путнику оно было незнакомо. И мичман, несмотря на мороз, окоченевшими от холода руками достал из кармана записную книжку и записывал это слово: *«Замолаживать – иначе пасмурнеть», в Новгородской губернии значит «заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».*

Именно эта дата – март 1819 года – и становится началом работы Даля над сбором материала, а потом и работы над составлением Толкового словаря живого великорусского языка. Именно в это время было записано Далем самое первое слово, а впереди были ещё сотни тысяч русских слов, которые ждали своей очереди...

С тех пор при Дале всегда была записная книжка, в которую он вносил диалектные слова, различные устойчивые обороты, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки. Лет через десять у него было уже несколько толстых тетрадей, исписанных мелким бисерным почерком.

Замечу попутно, что мне посчастливилось видеть записи, сделанные рукой Даля. Это действительно бисерный почерк, и его можно было разбирать очень часто только с лупой. В начале 90-х годов я участвовала в подготовке к изданию нескольких записок Даля, составленных им в то время, когда он служил чиновником особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторе В.А. Перовском. Вот эти-то записки Даля я и расшифровывала в августе 1991 года в читальном зале Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

И ещё нужно сказать, что Даль записывал слова везде, где это только можно было сделать. Огромный материал для своего будущего Словаря он собрал во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов, в которой он принимал участие как военный врач. Об этом он так писал:....*«Нигде это не было так удобно, как в походах. Бывало, на днёвке где-нибудь соберёшь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнёшь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовётся, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уж целая вереница областных речений...»*.

Во время этого военного похода у Даля накопилось столько записок, что для этого потребовался вьючный верблюд. И однажды в военной суматохе, за два перехода от Адрианополя [совр. – г. Эдирне в Турции – прим. З.Д.], этот верблюд пропал. И об этом Даль вспоминал так: *“Я осиротел с утратою своих записок, о чемоданах с одежей мы мало заботились... К счастью, казаки отбили где-то верблюда и через неделю привели его в Адрианополь... Таким образом, – признавался позднее Даль, – начало русского Словаря было избавлено от турецкого плена...”*.

В начале своего жизненного пути Даль, наверное, не думал, что будет заниматься составлением Словаря, тем более, что образование он получил военное: окончил Морской корпус в Петербурге. И первые семь лет он служил на флоте – вначале на Черноморском, а потом на Балтийском, но в 1826 году он оставил морскую службу. Подав в отставку и сняв мичманский

мундир, он отправился в Дерпт, в старинный русский Юрьев-город, куда в то время переехала его овдовевшая мать с младшим братом. Здесь, в императорском Дерптском университете, В.И.Даль стал студентом медицинского факультета. Через два года (в 1828 году) началась русско-турецкая война. И хотя всех студентов отправили на фронт, потому что за Дунаем, как тогда говорили, наши русские войска встречены были двумя врагами: турками и чумою. Но Даля как способного и очень талантливого студента оставили для того, чтобы он смог держать экзамен на степень доктора медицины. И он блестяще выдержал экзамен не только на доктора медицины, но ещё и хирурга. Надо сказать, что о Дале-хирурге ходили легенды, и говорили даже, что «у него две правых руки». То есть левая рука у Даля была развита так же, как и правая. Позднее самые знаменитые в Петербурге операторы (а именно так называли тогда хирургов) приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать удобнее всего левой рукой.

И ещё надо заметить, что в то время от искусства хирурга, вернее, от быстроты проведения операции напрямую зависела жизнь больного. Наркоз тогда ещё не применялся, его ввёл лишь во время другой русско-турецкой войны 1853-1855 годов друг Даля – знаменитый врач Н.И. Пирогов. А в начале 19 века, чтобы больной не умер от болевого шока на операционном столе, нужна была молниеносная реакция хирурга. И ещё нужно сказать, что Даль более всего был известен как хирург-окулист. На его счету более сорока успешных операций снятия катаракты. Вот такие сохранились сведения о Дале-враче. Кстати, описание операций Даля с тех пор вошли в учебники медицины.

После того, как закончился турецкий поход, началось польское восстание, и Даль вновь в действующей армии.Его назначили дивизионным врачом 3-го пехотного корпуса, которым командовал генерал-адъютант (впоследствии граф) Ридигер. В один из очень опасных моментов для отряда Даль проявил себя ещё и как инженер-конструктор. Из подручных средств (пустых бочек, плотов, лодок, паромов) он соорудил два понтонных моста, по

которым на другую сторону Вислы переправились воинские подразделения. Интересно то, что когда последние русские солдаты вступали на противоположный берег Вислы, поляки внезапно напали на мостовые укрепления. Даль с небольшой командой был оставлен генералом Ридигером для уничтожения этих мостов. И дальше мы приведём рассказ знаменитого писателя П. И. Мельникова-Печерского об этой странице военной биографии Даля:

«... Поляки вступили на мост. Впереди шло несколько офицеров, весело разговаривая. Даль подошёл к ним и объявил, что больные и раненые с врачами и лазаретной прислугой остались в винокуренном заводе, но что он вполне уверен в их безопасности, потому что война идёт с христианами, с людьми просвещёнными. Офицеры обнадеживают Даля в безопасности больных, а сами подвигаются вперёд, весело разговаривая с русским лекарем. За ними вступают на мост передовые люди отряда. Подходя к середине моста, Даль ускорил шаги, прыгнул на одну бочку, где заранее был припасён остро наточенный топор. Разрубив несколькими ударами топора главные узлы канатов, связывавших постройку, он бросился в воду. Бочки, лодки, паромы понесло вниз по Висле, мост расплылся. Под выстрелами поляков Даль доплыл до берега и был встречен восторженными криками нашего войска. Гарнизон мостового укрепления, наша артиллерия и вагенбург были спасены от неминуемой гибели, а польскому корпусу Ромарино была отрезана дорога в Краковское и Сандомирское воеводство, куда он стремился по взятии русскими Варшавы...».

Император Николай Павлович из донесения главнокомандующего князя Паскевича, которое было составлено на основе рапорта генерала Ридигера, узнав об этом подвиге Даля, наградил его Владимирским крестом с бантом. В 1832 году, вернувшись из Польши, В.И.Даль оставил медицину и вышел в отставку, вообще-то не имея средств к существованию. Почему он так поступил? Видимо, он чувствовал в себе дар литературный. Думаю также, что он, наверное, не отважился бы так изменить жизнь свою,

если бы не был в дружбе с ведущими в то время русскими литераторами. Ещё когда Даль учился в Дерптском университете, он познакомился с первым в те времена русским поэтом В. А. Жуковским. А когда он переехал в Петербург, это знакомство переросло уже в дружбу, а дружба с Жуковским сделала В.И. Даля уже другом А.С.Пушкина, а также сблизила его с Н. Языковым, Крыловым, Гоголем, князем Одоевским, братьями Перовскими. На литературное поприще В.И.Даль вступил со сказок. И свой первый сборник (1833) он назвал так: *«Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пяток первый»*. О своих сказках он так писал позднее: *«Не сказки сами по себе мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя показаться в люди без особого предлога и повода – сказка послужила поводом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому раскрывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке»*.

И ещё надо сказать, что таким был взгляд самого Даля не только на сказки, написанные народным языком, но и на свои рассказы, повести, очерки, которые появились у него позднее. В своих литературных произведениях Даль хотел изобразить черты народного быта в неподдельном его виде. И здесь важно отметить, что до этого в нашей литературе русский простолюдин, русский крестьянин выводился или слащаво, идиллически (например, чуть ли не с розовым веночком на голове, как у Карамзина и у его подражателей), или же в грязном и карикатурном виде.

Напомню, что в то время ещё не было произведений Гоголя, не было Записок охотника Тургенева, не было рассказов Толстого. И открывателем так называемой натуральной школы в русской литературе был именно Даль (Казак Луганский). И ещё надо сказать, что современный русский человек даже и не подозревает о том, что в 19 веке В.И.Даль был одним из самых известных и

читаемых русских писателей. Произведения его печатались в лучших журналах и в лучших альманахах, сочинения его выходили отдельными сборниками, двух- и четырёхтомниками и многотомными собраниями. А критики всех направлений обращали внимание буквально на каждое новое его выступление в печати, они подробно разбирали его сказки, очерки, рассказы, повести. Но в 20 веке Даля перестали читать и даже просто упоминать его как писателя. И действительно Даля-писателя мы совсем не знаем. Почему же он стал неуютен в 20 веке, в советское время? Скорее всего, потому, что он, как никто из русских писателей 19 века, хорошо знал всю Россию, жизнь всех слоёв тогдашнего общества и потому Даль не участвовал в создании образа «лапотной, тёмной, необразованной» России. А ведь именно такой образ России сложился в нашей литературе 19 века и именно такой образ царской России был нужен новой революционной власти, чтобы на этом отрицании строить новую политику 20 века!

Ещё раз заметим, что образ «лапотной, тёмной и необразованной» России был создан именно русскими писателями 19 века, которые в большинстве своём были выходцами из дворян Центральной России, и, кстати говоря, все они – *бары*, и все они знали только барских крестьян. Им не был знаком не крепостной, то есть свободный русский крестьянин. Попутно добавим, что крепостных крестьян в России было *чуть более 30 %* (по данным современного историка М.М.Громыко). И, к примеру, на Русском Севере, на Урале, в Сибири, а это огромные территории, русские люди крепостного права просто не знали.

Мне хочется привести интересные размышления Владимира Ивановича Даля о русском крестьянине. Он так писал: *«...Известное дело, чем дальше у нас пойдёте на север, тем зажиточнее находите мужиков, и тем более опрятности и роскоши найдёте в образе их жизни.*

...Вы, может быть, и не знаете, что есть в России такие места, где крестьянки в праздник не иначе показываются на улицу, как в шелку, в парче и в жемчуге; а девушка выплакала

бы глаза от позора, если бы ей пришлось выйти не в белых шёлковых полудлинных перчатках! В средней полосе у нас живут, коли хлеб жуют, а порою не брезгуют и мякиной и лебедой; на севере – волка ноги кормят; три-четыре месяца летних, где хлеб родится, не могут прокормить всю семью, по крайней мере полевые работы этим сроком оканчиваются, и остальные восемь [месяцев] идут на промыслы разного рода, и деньги быстро оборачиваются из рук в руки...” . Это – слова В.И.Даля о русском крестьянине.

Оказывается, точно также думал и писал о русском крестьянине и наш великий Пушкин. Мы приведём небольшой отрывок из пушкинского Путешествия из Москвы в Петербург:

«... Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смыслённости и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud (ротозеем или зевакой); никогда не заметите в нём ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; а у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедноты. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...».

Вот так писали Даль и Пушкин именно о крепостной России, а другой России они и не могли знать! И не верить им нельзя! Но мы продолжаем повторять, навязанные нам слова, навязанное нам представление об отсталой, грязной, неумытой, безграмотной России...

* * *

Первый сборник сказок В.И.Даля сразу же получил самые восторженные отклики. О его сказках с особой похвалой отзывался Пушкин. Считается, что именно под влиянием этих далеких сказок Пушкин написал одну из самых лучших своих сказок («Сказку о рыбаке и золотой рыбке») и преподнёс её Дालю с такой надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин».

В то же самое время этот сборник Даля был встречен и крайне отрицательно. В его сказках увидели «насмешки над правительством, жалобу на горестное положение солдат и пр.пр.» На Даля поступил донос, и он был арестован. По предположениям его биографов, из заточения его вызволил Жуковский (уже на следующий день): в то время Жуковский был воспитателем наследника русского престола. А один из братьев Перовских – Василий Алексеевич – в то же самое время готовился занять должность генерал-губернатора в Оренбурге, и он предложил начинающему талантливому литератору и известному хирургу службу чиновника особых поручений.

Так начинается блестящая карьера В.И.Даля. На протяжении 36 лет он был государственным чиновником самого высокого ранга, занимаясь административными вопросами. В Оренбурге он прослужил 8 лет, именно там были созданы самые лучшие его литературные произведения, поставившие Казака Луганского в ряд ведущих русских писателей 19 века.

В.И.Даль вернулся в Петербург в 1836 году, где стал ближайшим свидетелем трагической кончины А.С.Пушкина, от которого он получил на память перстень-талисман. Не покидая медицины (его особенно стала интересовать офтальмология и гомеопатия), он продолжает писать литературные произведения (сборник «Были и небылицы» – 1834-1839), пишет статьи о русском языке (1842), о русских пословицах (1847), о поверьях, суевериях и предрассудках русского народа (1845). В это же время он служит на высокой должности начальника особой канцелярии МВД России.

В 1849 году В.И.Даля назначили управляющим Удельной конторы в

Нижнем Новгороде, где он прослужил 10 лет. По отзывам его современников, Даль был «чиновником странным»: он везде собирал материал для своего Словаря. На его анкеты отвечали священники и полицейские, сельские учителя и врачи, уездные служащие. И даже целые канцелярии были заняты перебеливанием (то есть переписыванием начисто) присланных из всех уголков Российской империи ответов на анкеты и составлением картотек. Рабочий день самого чиновника-литератора-лексикографа начинался в 9 утра и заканчивался в 3 часа ночи. Очень много материала для Словаря дала ему Нижегородская ярмарка, куда съезжалась вся Россия. Он прекрасно разбирался в торговле, в промыслах, прекрасно знал всё устройство крестьянского хозяйства. И как писал в своих воспоминаниях Мельников-Печерский, *«Крестьяне верить не хотели, что Даль был не природный русский человек. Они говорили: Он ровно в деревне взрос, на палатях вскормлен, на печи вспоен... И до всякого-то крестьянского дела какой он доточный... Там борону починил, да так, что нашему брату и не вздумать, там научил, как сделать, чтобы с окон зимой не текло да угару в избе не было, там лошадь своими крупинками вылечил... Этими крупинками он лечил и людей, и скотину. Приедет и, прежде чем толковать о деле, обойдёт больных, кому сделает операцию, кому даст врачебный совет...»*.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даль писал уже в Москве, куда он переселился из Нижнего Новгорода, выйдя в отставку в 1859 году. Жил он на Пресне в собственном доме, построенном ещё до войны 1812 года. В этом доме стояли французы. Не умея топить русские печи, они разводили костёр прямо на паркете, который выгорел, но сам дом чудом уцелел. Он уцелел и в 20 веке: в 1941 году, когда во время налётов на Москву, во двор дома была сброшена бомба, она не взорвалась. Как оказалось, вместо детонатора был вложен чешско-русский словарь (он хранится сейчас в Музее истории Москвы). В доме на Пресне сейчас располагается музей В.И.Даля (в двух мемориальных комнатах).

Из Нижнего Новгорода Даль привёз в Москву свой Словарь, окончательно разобранный до буквы. Словарь начал выходить в 1861 году, и через восемь лет (1868 год) он был опубликован полностью. Вот как об этом событии писал друг Даля – П.И.Мельников-Печерский:

«... Четыре огромные тома в 330 листов, плод 47-летних неустанных трудов явились пред русскою публикой. Как бы загремело имя Даля, если б это был словарь французский, немецкий, английский! А у нас хоть бы одно слово в каком-нибудь журнале. Ни один университет не выразил своего уважения к монументальному труду Даля возведением его на степень доктора русской словесности, между тем как дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни один университет не почтил составителя Толкового Словаря званием почётного члена или хотя бы простым приветом неутомимому труженику, окончившему столь великое дело! Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля, но его удивило такое равнодушие. Впрочем, я ошибся: один университет, в России находящийся, с должным уважением отнёсся к труду Даля. Это университет немецкий, существующий в истинно русском городе Юрьеве, ныне Дерптом именуемом. Оттуда прислали Далю за русский Словарь латинский диплом и немецкую премию...».

Поддержал В.И.Даля ещё академик М.П. Погодин, историк и писатель. Он выступил с таким заявлением: *«Словарь Даля кончен. Теперь русская академия без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Выбывший займёт первую, какая откроется, вакансию».* Но академики с этим предложением не согласились, и В.И. Даль был избран только почётным членом АН (1868), которая позднее удостоила его Ломоносовской премии за Словарь (1869 год).

В.И.Даль был человеком необычайно талантливым. Вот как о нём писал знаменитый хирург Н.И.Пирогов, друг его и однокашник по Дерптскому университету: *«Это был человек, что называется*

на все руки. За что ни брался Даль, всё ему удавалось сделать». И добавим ещё: это был человек, который всю свою долгую жизнь преданно и честно служил России, русскому народу, русской науке, русской литературе... И не случайно он так писал о себе: «Отец мой выходец (то есть иностранец), а мое Отечество Русь, Русское государство!».

Зинаида Савиновна Дерягина

канд. филол. наук».